

Нефедов К.Ю.
(Харьков)

Культ Перисада I на Боспоре: попытка исторической реконструкции

Культ боспорского правителя Перисада I на протяжении многих лет остается загадкой для исследователей. Единственный источник, свидетельствующий о существовании этого культа – «География» Страбона – не проясняет обстоятельств его возникновения, равно как и умалчивает о характере культового почитания Спартокида. Поэтому едва ли не все, что написано об обожествлении Перисада на сегодняшний день – не более чем догадки, основанные на общих представлениях исследователей о правлении ранних Спартокидов и исторических параллелях из других частей античного мира¹. Весьма туманным остается вопрос о происхождении этого культа, а именно о том, какие причины побудили боспорян почитать Перисада подобно богам, и какие представления или традиции лежали в основе этого почитания. Окончательно не ясно, каково было значение этого культа для власти и политики Спартокидов, сыграл ли он какую-то роль в развитии боспорской государственности, и наконец, какую историческую оценку мы должны дать ему в контексте общего процесса становления культа правителя в античном мире. В предшествующих работах я уже пытался дать ответы на некоторые из поставленных вопросов². Теперь настало время рассмотреть проблему культа Перисада более подробно, дополнив и обобщив сделанные ранее выводы.

Для начала обратимся к упомянутому свидетельству Страбона. Он говорит об «обоожествлении» Перисада в контексте общей оценки правления ранних Спартокидов: «Город [Пантикапей] долгое время управлялся властителями из среды Левкона, Сатира и Перисада, также и все окрестные поселения вокруг устья Меотиды, до передачи Перисадом власти Митридату. Они назывались тиранами,

хотя в большинстве своем были достойными, начиная от Перисада и Левкона. Перисад был даже признан богом»³.

В этом фрагменте, таким образом, не говорится непосредственно об учреждении культа боспорского правителя. Страбон упоминает только о том, что его «признали богом». Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что Перисад действительно был причислен к пантеону боспорских божеств⁴. Это, однако, представляется более чем сомнительным. Для эпохи Перисада, который скончался в 310 г. до н.э., провозглашение человека божеством было отнюдь не обычным делом. В аллегорическом смысле людей, конечно, именовали богами и задолго до этого⁵. Однако официальное наименование правителя божеством впервые встречается только в афинском гимне в честь Деметрия Полиоркета, который датируется 291-290 гг. до н.э.⁶ В государственном же культе «богами» впервые начинают называть только Птолемея не ранее конца 80-х гг. III в. до н.э.⁷ Вместе с тем, хорошо известно, что богоравные почести некоторые люди в греческом мире получали и гораздо ранее⁸. Эти почести не превращали человека в божество, а воспринимались лишь как высшая степень почета⁹. Поэтому гораздо более вероятно, что Перисада не провозгласили божеством в прямом смысле слова, а только лишь воздали ему богоравные почести. Иногда подобные акты чествования, конечно, могли трактовать как обожествление, как это делал, например, спартанский царь Агесилай еще в начале IV в. до н.э.¹⁰, или афинские ораторы непосредственно в годы жизни Перисада¹¹. Но эти трактовки имели негативный характер и были призваны представить культ правителя как проявление богохульства. В эпоху же Страбона выражение «провозгласить божеством» потеряло негативную окраску и прочно вошло в лексикон культа римских императоров¹². Поэтому географ, очевидно, просто описал чествование Перисада в терминологии своего времени, – ведь он, как показала Л.И. Грацианская, писал указанный фрагмент по памяти, а не переписывая непосредственно из своего боспорского источника¹³.

Таким образом, мы должны вести речь не об обожествлении Перисада, а о воздаянии ему богоравных почестей. Использование Страбоном страдательного залога не оставляет сомнений в том, что официальным учредителем культа

Перисада был не сам династ, как это иногда полагают, а его подданные. В представлении Страбона они почтили Перисада за его достоинство, позволяющее не ставить его в один ряд с тиранами в прямом смысле этого слова. То есть, будучи достойным правителем, Перисад как бы превращался из тирана в истинного царя, а обожествление, о котором говорится в сообщении, подтверждало этот факт. Подобные представления о монархической власти и связанном с ней царском культе весьма характерны для раннеэллинистической эпохи. Как в философских и публицистических сочинениях, так и в официальных документах того времени истинный царь предстает в образе достойного, справедливого, добродетельного правителя, благодетеля и «пастыря» народа¹⁴. И за эти же качества, подтверждённые конкретными благодеяниями, греческие полисы чествовали богоравными почестями диадохов¹⁵.

Все это говорит о том, что культ Перисада по своему характеру был весьма близок к эллинистическому культу правителя. Во всяком случае, именно таким его увидел Страбон в тексте боспорского источника. Поэтому нет оснований говорить о какой-то особой боспорской специфике этого культа: он вполне укладывался в общегреческие представления о чествовании монарха. Возникает естественный вопрос – мог ли такой культ возникнуть на Боспоре без влияния извне, путем естественного внутреннего развития? Некоторые исследователи полагают, что это вполне возможно, усматривая в возникновении культа Перисада следствие протоэллинистического характера боспорской государственности: здесь, якобы, еще в доэллинистическую эпоху сложились условия, подобные тем, что существовали в монархиях диадохов, и поэтому уже тогда возник такой характерный для эллинизма институт, как царский культ. Такое предположение первым высказал еще М.А. Ростовцев. Он провел параллель между возникновением культа Перисада и почитанием тирана Дионисия Младшего в другом «протоэллинистическом» регионе античного мира – на Сицилии¹⁶.

Особенно же убежденно отстаивает подобную точку зрения В.П. Яйленко. По его мнению, Боспор в области культа правителя, как и во многом другом, опередил иные районы античного мира. Культ Спартокидов зародился здесь еще

в середине IV в. до н.э. под влиянием местных («иранских») традиций сакрализации власти. Основанием для подобного вывода послужило граффити середины III в. до н.э. из нимфейского святилища Афродиты, на котором, по мнению В.П. Яйленко, упомянута жрица культа царей III в. до н.э. Перисада III и Сатира¹⁷. Существование такой жрицы, сообщение Страбона об обожествлении Перисада I, а также ряд других косвенных данных позволяют ученому утверждать, что на Боспоре достаточно длительный период отправлялся династический царский культ, тесно связанный с почитанием Афродиты Урании Апатуры (тождественной иранской Анахите), которая якобы была покровительницей династии Спартокидов. Посвящения, сделанные Афродите, представителями боспорской элиты, по словам В.П. Яйленко, тоже должны быть причислены к памятникам царского культа, и поскольку самое раннее из них относится к эпохе Левкона, с этого же момента следует начинать и историю этого культа¹⁸.

Положенная в основу гипотезы В.П. Яйленко интерпретация нимфейского граффити выглядит, однако, крайне неубедительно. Он прочитывает этот его текст следующим образом: "Афродите привет! Адас желает здравствовать Сатиру, а также Перисада и его (Сатира) жрице, и благосклонным сыновьям (?) Аполлония; и его (?) жене привет!"¹⁹. Упоминание в таком виде жрицы царского культа – нонсенс для эллинистического мира. Понятно, что граффити подразумевает достаточно вольную форму текста, но выражение «Перисада и его жрица», а также упоминание жрицы наравне с «божеством», которому она служит, выглядят противостоительно для античных религиозных и монархических представлений. Царский культ, несмотря на известную степень формализации, всегда оставался слишком деликатной темой для того чтобы такие вольности в его отношении были возможны, тем более со стороны не самого царя, а кого-то из подданных. Поэтому говорить, что речь здесь действительно шла о жрице царского культа будет излишне смелым.

Кроме того само слово *ἱερὴν*, которым, якобы названа жрица в тексте граффити, нигде более не встречается – его существование, как подчёркивает сам В.П. Яйленко, ранее предполагалось только гипотетически. Поэтому нельзя

утверждать, что здесь употреблено именно оно и именно в таком значении. Нет также полной уверенности в том, что текст граффити в данной строке сохранился полностью и за сочетанием букв *ἱερὺ* ничего не следовало. Надо также иметь в виду, что в эллинистической практике неизвестно ни одного случая, чтобы культ правителя мужского пола отправляла женщина.

Весьма натянутым выглядит и приобщение к царскому культу всех посвящений Афродите Урании, оставленных представителями боспорской элиты. Как неоднократно было показано в научной литературе, посвящения и даже жертвы богам «за царя», не имеют никакого отношения к царскому культу и даже более того – в некоторых случаях призваны подчеркивать, что сам правитель не получает богоравных почестей²⁰. Поэтому связывать возникновение и историю царского культа на Боспоре с посвящениями Афродите, многие из которых, кстати, не содержат указаний «за кого» делается посвящение, совершенно безосновательно. Тот факт, что первое посвящение Апатуре сделано при Левконе вовсе не означает, что царский культ на Боспоре возник именно в это время. Точно также и увеличение количества таких посвящений при Перисаде I, на котором акцентирует внимание В.П. Яйленко, не может считаться свидетельством какой-то особой реформы царского культа в это время. Все эти документы говорят только о том, что культ Афродиты Урании был одним из важнейших культов Боспора и пользовался особым уважением членов царского дома и их окружения, но о почитании самих боспорских правителей они не сообщают ничего.

Не выглядит убедительным и тезис В.П. Яйленко о влиянии местной, «иранской», традиции почитания правителей на сложение культа Спартокидов. В научной литературе неоднократно было показано, что иранские традиции сакрализации власти (почитание *фарна*, *проскинезис* и т.д.) не имеют ничего общего с культом эллинистических правителей²¹, как и с царским культом вообще. Это была давняя традиция почитания власти, но не культа личности правителя, что отмечает и сам В.П. Яйленко. Поэтому даже если бы Спартокиды и придерживались иранских традиций почитания власти, что само по себе весьма сомнительно, то это вряд ли привело бы их к созданию царского культа

эллинистического типа. Во всяком случае, аналогов подобной эволюции в эпоху эллинизма нет²².

Самым же проблемным местом при оценке гипотезы В.П. Яйленко является полное отсутствие свидетельств о культовом почитании представителей династии Спартокидов как до, так и после правления Перисада I. Ведь если бы на Боспоре действительно существовал «всеобщий официальный царский культ», отправлявшийся к тому же не только в Пантикапее, но и в «Нимфее, Фаранаории, Кепях и других центрах Боспорского царства», то он несомненно оставил бы следы в эпиграфике и литературных памятниках.

Таким образом, гипотезу В.П. Яйленко о раннем возникновении и местных скифских истоках культа правителя на Боспоре приходится признать несостоятельной. Более правдоподобным выглядит мнение некоторых исследователей о том, что возникновению культа Перисада способствовали местные боспорские традиции почитания героев. Культ героев был, судя по всему, весьма распространен на Боспоре в доэллинистическую эпоху: наряду с Гераклом, Ахиллом и Диоскурами, здесь почитали различных локальных героев, а также, возможно, героев-ктистов некоторых городов²³. Среди последних должны были быть и вполне исторические личности, например, Горгипп, основатель Горгиппии. Они, очевидно, почитались в посмертном героическом культе, как это было принято во всей Греции, но письменных свидетельств о существовании на Боспоре такого почитания не сохранилось.

Не исключено, что посмертного героического почитания удостоились и некоторые предшественники Перисада I из династии Спартокидов. Прежде всего, это Сатир I. Из сообщения того же Страбона известно о существовании на азиатской стороне Боспора «памятника Сатира»²⁴, который современные исследователи связывают с посмертным героическим культом этого тирана. А.А. Завойкин достаточно убедительно локализует этот монумент в районе горы Куку-Оба в юго-западной части Фанталовского полуострова²⁵. Ничего конкретного, однако, об этом памятнике сказать нельзя. Связанных с ним артефактов до нас не дошло – если они и существовали, то, очевидно, были погребены извержениями грязевого вулкана на Куку-Обе²⁶. Сам А.А. Завойкин, однако, допускает, что эта

возвышенность, возможно, и не являлась местом культа Сатира, а просто оказалась связанной с его именем «фольклорно».

По мнению А. Завойкина и других ученых, в пользу существования посмертного героического культа Сатира на Боспоре свидетельствует также факт размещения на боспорских монетах с начала IV в. до н.э. изображения головы персонажа дионисийского круга – сатира²⁷. Судя по всему, это была «говорящая эмблема» Сатира I, а также всей династии Спартокидов и Боспорского царства, фактическим создателем которого был этот династ. Некоторые ученые полагают, что изображения на монетах даже имели портретные черты Сатира²⁸. Нечто подобное имело место в Сиракузах, в правление там основателя «Сицилийской державы» Дионисия Старшего – статуи Диониса делались там тогда с портретными чертами тирана²⁹. Тем не менее, говорить о существовании посмертного героического культа Сатира лишь на основании присутствия на монетах подобных изображений нельзя – никаких эпиграфических или археологических свидетельств в подтверждение этого предположения до нас не дошло. Не вызывает сомнений только тот факт, что Сатир I после смерти пользовался особым почтением у боспорян, имел «культовый статус» в современном понимании этого слова. Но и это, как выразился Э.Д. Фролов в отношении Дионисия, уже был определенный «подход» к эллинистическому царскому культу³⁰.

О героическом почитании других представителей династии Спартокидов до Перисада I ничего не известно. Можно только предполагать, что если Сатир I почитался посмертно как герой, то такого почитания мог удостоиться и Левкон I, хотя подтверждений этому факту нет.

Таким образом, если на Боспоре и существовали внутренние предпосылки для возникновения культа правителя, то они были весьма незначительными. Несомненно, что сам факт существования единоличной власти, традиции культа героев, распространявшиеся, возможно, и на исторических личностей, и почитание в какой-то форме Спартока I определенным образом могли способствовать зарождению идеи сакрального почитания правителей. Но сами по себе все эти предпосылки, конечно, не могли привести к возникновению культа

эллинистического типа, каковым, судя по всему, был культ Перисада I. Исторической параллелью в этом отношении опять же может быть Сицилия – там существовали мощнейшие традиции культа героев, как минимум, с середины V в. до н.э. отправлялся посмертный героический культ различных тиранов, имели место даже эпизоды воздаяния героических и, возможно, божественных почестей людям при жизни³¹. Но тем не менее, в эпоху эллинизма там отнюдь не возникло культа правителя, подобного тому, который существовал в монархиях диадохов. Агафокл Сиракузский принял царский титул вскоре после преемников Александра, но нам ничего не известно о том, чтобы он почитался как бог даже в то время, когда в Греции бурно развивался культ Деметрия Полиоркета. Только в III в до н.э., во времена правления Гиерона II, на Сицилии начинает наблюдаться тенденция к культовому чествованию правителей, причем появляется она исключительно из желания «не отстать» от эллинистических монархий и находит проявление в весьма скромных актах частных посвящений³².

Другой известной параллелью Боспору является Гераклея Понтийская³³. Там еще в 60-х гг. IV в. до н.э. имела место попытка самообожествления тирана Клеарха, в которой иногда также усматривают проявление «протоэллинистических процессов». Из сочинения Мемнона известно, что Клеарх своим поведением и внешностью пытался уподобиться Зевсу³⁴. Однако об учреждении его культа гераклеяский историк, как и другие источники, ничего не сообщают. Более того, как можно заключить из изложения Мемнона, богоравные притязания тирана не только не встретили поддержки, но и получили осуждение со стороны его сограждан. Наследники Клеарха пользовались популярностью у гераклейцев, и даже получили от них весьма лестные эпитеты «Сотера и Эвергета» (Тимофей) и «Хрестоса» (Дионисий)³⁵, которые встречались позже в эллинистическом культе правителей. После смерти Тимофея Дионисий учреждает его посмертный героический культ с агональными состязаниями³⁶. Однако богоравные почести ни Тимофею, ни Дионисию так и не были возданы.

Все это говорит о том, что одних локальных предпосылок для возникновения царского культа эллинистического типа было недостаточно. Необходимо было еще и влияние неких общих идеологических процессов,

связанных с завоеваниями Александра, распадом его империи и становлением новой формы государственности – эллинистической монархии. Поэтому можно с полным основанием согласиться с мнением А.А. Завойкина о том, что при изучении формирования культа Спартокидов следует «менее всего исходить из идеи его исключительности» и ориентироваться, прежде всего, на ход аналогичных процессов в других регионах эллинистического мира³⁷.

Сам А.А. Завойкин, руководствуясь указанными соображениями, приходит к выводу, что культ Перисада на Боспоре мог быть только посмертным, поскольку в годы правления этого царя прижизненного государственного культа в эллинистических державах еще не существовало³⁸. Ссылаясь на данные моей статьи о почитании Александра в Александрии³⁹, он заключает, что Перисад не мог опередить в области институализации царского культа «Великого Македонянина», а последний был почтен как бог в официальном порядке только посмертно в птолемеевском Египте⁴⁰. Что же касается посмертного культа правителя, то на Боспоре он зародился, по мнению А.А. Завойкина, еще при Левконе, который учредил посмертное героическое почитание Сатира I, и естественным образом распространился на Перисада, причисленного «к сонму богов, очевидно, в качестве героя». Как посмертный героический культ расценивает культ Перисада и П.Д. Диатроптов⁴¹. Другие исследователи допускают божественный характер почитания, но тоже считают, что культ Перисада мог быть только посмертным, несомненно, ориентируясь при этом также на ход аналогичных процессов в других эллинистических монархиях.

Попытаемся определить, насколько обоснованным является такое мнение? Если культ Перисада возник под влиянием извне, должен ли он был быть непременно посмертным? Если принять точку зрения А.А. Завойкина и считать культ Перисада не только посмертным, но и еще и героическим, оказывается не ясным, что же отличало культ Перисада от культа его предшественников? Ведь в изложении Страбона статус этого монарха уникален: ни Сатир, ни Левкон, которые, по мнению А.А. Завойкина, почитались как герои, не были «признаны богами», а это означает, что почести Перисада, как минимум, значительно превосходили по своей степени почести его династических предков. Но даже если

считать, что почитание Сатира и Левкона не было институализировано в виде настоящего героического культа, можно ли полагать, что героизация Перисада была бы описана Страбоном как «провозглашение богом»? Это представляется крайне сомнительным, поскольку почести героев и богов в своем классическом варианте отличались весьма существенно⁴², и если бы в источнике Страбона речь шла о героическом культе, он бы не расценивал его как обожествление. Кроме того, культ героев, как мы видели, был весьма распространен на Боспоре, и посмертная героизация Перисада в любом случае не была бы новшеством, которое специально отметил боспорский источник.

Следует ли в таком случае полагать, что культ Перисада был божественным, но при этом посмертным, учрежденным, например, «запятнавшим себя братоубийством» Эвмелом, как это ранее говорил В.П. Яйленко⁴³? Эта точка зрения тоже представляется нам ошибочной. Посмертный культ правителя в те годы, как это не парадоксально, еще не приобрел однозначно божественного характера. Самого Александра Македонского в месте его погребения в Александрии в 319-318 гг. до н.э., по словам Диодора, который руководствуется современным событиям источником – трудом Иеронима из Кардии, Птолемей почтил «героическими жертвами»⁴⁴, хотя по своему характеру почитание это, несомненно, имело богоравный характер⁴⁵. В посвящении на стене одной из македонских гробниц вместе с Гераклом и Кассандром упомянут «герой Александр»⁴⁶, и это несомненно свидетельствует о том, что не только Александр, но и Кассандр рассматривается в посмертном культе как герой. Это, конечно, не означает, что они получили небожественные почести – просто статус чествуемого был однозначно не определен, что вообще характерно для античного культа правителя⁴⁷. Вместе с тем, попытки Александра получить себе богоравные почести при жизни расценивались оппозиционными ему силами именно как «провозглашение богом»⁴⁸, равным образом и Деметрия Полиоркета именовали «богом» в афинском гимне уже при его жизни. Однозначно же именовать правителей богами в посмертном культе начали только в Птолемеевском Египте не ранее 283-281 гг. до н.э.⁴⁹ При этом в титулатуре александрийских жрецов, которые отправляли совместный культ Александра и Птолемеев, сам Александр и

далее упоминался без приставки «бог»⁵⁰, что, несомненно, было следствием отсутствия у него этого титула в момент учреждения его культа Птолемеем I в 319-318 гг. до н.э.

Таким образом, говоря о признании Перисада богом, Страбон вряд ли мог иметь в виду его посмертный культ – однозначное посмертное «обожествление» в 310 г до н.э. было бы едва ли не большей новацией для античного мира, чем богоравное чествование при жизни. Поэтому следует полагать, что Перисад в действительности удостоился божеских почестей прижизненно. Именно такое чествование должно было произвести на современников особое впечатление, и только оно могло преобразоваться в представлении Страбона в реальный апофеоз. В учреждении же культа Перисада в годы его жизни на самом деле нет ничего удивительного – оно вполне соответствует «процессам, происходившим в других регионах эллинистического мира». Сопоставляя данные о культе Перисада с развитием культа правителя в греко-македонском мире в целом, исследователи почему то всегда ориентируются только на официальный династический культ в эллинистических монархиях, полагая, что на Боспоре почитание правителя должно было иметь такой же характер. Согласно схеме развития этого культа, вначале учреждалось посмертное почитание Александра, затем – посмертный культ основателя династии, а затем уже прижизненный культ правителей второго поколения – эпигонов. В Птолемеевском Египте официальный прижизненный культ царя возник не ранее конца 70-х гг. III в. до н.э.⁵¹, в государстве Селевкидов – только в конце III в. до н.э.⁵², в державе же Антигонидов он вообще так и не был создан. Естественно, что учреждение прижизненного культа Перисада I никак не вписывается в эту схему. Однако почему мы должны думать, что культ Перисада имел общегосударственный династический характер? В изложении Страбона он отнюдь не выглядит таким – это не более чем «разовое» «признание богом» одного представителя династии, ни предшествующие, ни последующие Спартокиды в представлении Страбона подобных почестей не получали. Ничего нам неизвестно об их культе и из других источников, если, конечно, не считать рассмотренную нами выше интерпретацию нимфейского граффити В.П. Яйленко. Культ Перисада явно не имеет отношения к династическому культу, и поэтому и

не должен вписываться в схему, характерную для Птолемеев или Селевкидов. С гораздо большим основанием можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с другой характерной для эллинистического мира формой почитания монархов – полисным или частным царским культом. Эти формы культа, конечно, всегда исходили «снизу» – от подданных, сам правитель официально не принимал участие в их учреждении. Но и Страбон не говорит о том, что Перисад присвоил себе божеские почести – напротив, его почтили как бога подданные за его достоинство. Это терминология как раз и характерна для полисного культа правителя. А этот культ вполне мог быть прижизненным уже и во времена жизни Перисада I.

Нельзя забывать, что первый известный случай прижизненного сакрального чествования человека в греческом полисе относится еще к 80-м г. V в. до н.э.⁵³ Около 403 г. до н.э. на Самосе был учрежден культ спартанского наварха Лисандра, соответствующий в своих основных чертах полисному культу эллинистических монархов⁵⁴. Через несколько лет жители Фасоса предложили богоравные почести спартанскому царю Агесилаю⁵⁵. Сакрального чествования в греческих полисах удостоивался, видимо, и Филипп Македонский⁵⁶, а Александр уже и требовал божеские почести от греков и, видимо, добился в некоторых полисах желаемого⁵⁷. Около 319 г. до н.э. на Самосе зафиксирован прижизненный культ наследников Александра – Александра IV и Филиппа Арридея⁵⁸. Наконец, в 314-311 гг. до н.э. в малоазийских и островных полисах возникает и распространяется культ одного из диадохов – Антигона Одноглазого⁵⁹. В контексте этой информации возможность учреждения прижизненного культа Перисада выглядит вполне реальной – боспорянам было откуда позаимствовать идею воздаяния божественных почестей монарху при жизни.

Практика заимствования традиции культового чествования правителя, в целом, была обычной для эпохи раннего эллинизма. Под влиянием преимущественно политических факторов богоравное почитание перешло с покойного Александра на Антигона Одноглазого и его сына Деметрия Полиоркета, затем на Птолемея I, Лисимаха, Селевка I, Кассандра и на всех последующих эллинистических правителей, вследствие чего царский культ

утвердился даже в тех местах, где к его появлению не существовало никаких предпосылок, например, в Балканской и Островной Греции⁶⁰. И эта практика уходила корнями еще в доэллинистическую эпоху: как показал М. Флауэр, уже самый первый в истории Эллады прецедент воздаяния божеских почестей человеку – учреждение культа Лисандра на Самосе в 404 г. до н.э. – послужил через несколько лет образцом для подражания на о. Фасос при организации чествования Агесилая⁶¹.

Попытаемся определить, когда именно могло произойти такое заимствование на Боспоре. Ясно, что проникнуть на такую периферию античного мира культ правителей мог, конечно, только после того, как превратился в массовое явление. Единичные прецеденты воздаяния божеских почестей политическим лидерам, имевшие место в доэллинистическую эпоху вряд ли бы оказали на боспорян существенное влияние. Такое влияние можно предполагать не ранее эпохи Александра Македонского. Однако и тут мы сталкиваемся с проблемой – вопреки распространенному мнению о том, что при Александре царский культ имел массовый характер, исторические факты позволяют говорить только о том, что прижизненное почитание македонского завоевателя было учреждено лишь в некоторых греческих полисах в последний год его жизни⁶². Более того, не вызывает сомнений, что в некоторых из тех городов, где культ все-таки возник, его отменили сразу же после смерти царя в июле 323 г. до н.э. или, по крайней мере, с началом Ламийской войны осенью того же года. Такое непродолжительное существование культа Александра вряд ли бы послужило бы боспорянам примером для учреждения культа Перисада.

Тем не менее, существуют предположения, что прижизненный культ Александра все-таки проник в Северное Причерноморье, и, следовательно, мог определенным образом повлиять на выбор почестей для Перисада. Согласно сообщению Аммиана Марцелина, в Гилее, священной хоре Ольвии, в римскую эпоху вместе с алтарем Августа существовал и алтарь Александра⁶³. Некоторые исследователи полагают, что этот алтарь мог быть возведен ольвиополитами или македонскими солдатами во время похода Зопириона, то есть в 331 г. до н.э.⁶⁴ Это предположение, однако, не имеет под собой достаточных оснований, ибо, как

говорилось, нам неизвестно ни одного достоверного случая учреждения культа Александра до 324 г. до н.э., тем более, македонскими солдатами. В Ольвии в свою очередь до настоящего времени не обнаружено никаких следов культа Александра, хотя ее культы и ритуалы исследованы достаточно подробно. Поэтому с полным основанием можно присоединиться к мнению Ф. Тегера, который считал, что алтарь Александра был возведен в священной хоре Ольвии одновременно с алтарем Августа в римскую эпоху⁶⁵. В I-II вв. н.э. в городах Малой Азии происходил своего рода ренессанс культа Александра, связанный с распространением почитания римских императоров и популярностью среди них традиции *imitatio Alexandri*, и этот процесс, видимо, затронул и Ольвию, где был учрежден культ Августа.

Таким образом, у нас нет достаточных оснований полагать, что культ Перисада мог быть учрежден на Боспоре под влиянием прижизненного почитания Александра Македонского. В таком случае, остается только одно – допускать влияние на боспорян практики культового почитания правителей, имевшей место в последнее десятилетие жизни Перисада I, то есть в 10-е годы IV в. до н.э. Как уже было упомянуто, наряду с развитием посмертного культа Александра в это время впервые более или менее широко начинает распространяться прижизненный культ правителей. В 319 г. божеских почестей на Самосе удостоиваются «цари» – кровные наследники Александра, а с 314 г. до н.э. в греческих полисах начинает распространяться культ Антигона Одноглазого. Его культ тогда был учрежден в городе Скепсис и, видимо, в других малоазийских полисах⁶⁶, а также на о. Делос – полисами-членами Союза Островитян, каждый из которых должен был отправлять данный культ и у себя⁶⁷. То есть Антигона вполне могли почитать в то время на островах Микonos, Кеос, Кифнос, Иос, и, возможно также, Андрос, Аморгос, Наксос и Парос. Сохранились также косвенные свидетельства того, что культ Антигона мог существовать до 310 г. до н.э. на острове Кос и в эвбейской Гестиее⁶⁸.

Таким образом, почитание Антигона Одноглазого в 314-311 гг. до н.э. было весьма масштабным. По существу, именно Антигон стал первым правителем античного мира, удостоившимся божественных почестей при жизни в массовом

порядке⁶⁹. И это вряд ли укрылось от внимания боспорян – культ Антигона отправлялся преимущественно в малоазийских и островных полисах, с которыми Боспор имел достаточно тесные торгово-экономические контакты. Немаловажным фактором было существование этого культа на острове Делос, который, как центр почитания Аполлона, являлся священным местом для боспорян. Поэтому можно полагать, что именно культовое чествование Антигона стало решающим фактором при выборе почестей для Перисада I. Конечно, расцвет культа Антигона пришелся на последние годы правления боспорского династа, но ведь именно тогда Перисад и достиг наибольшего могущества за всю историю своего правления. В последнее десятилетие жизни его власть стала до некоторой степени сопоставимой по объему с властью диадохов, и он во всеуслышание именовался в боспорских надписях «царем всех синдов и меотов» и правителем земли «от отрогов Тавров до Кавказских гор»⁷⁰. Именно в таком положении Перисад мог обоснованно претендовать на почести, которые получали Александр (посмертно) и Антигон.

Почему же боспоряне почтили Перисада почестями, которые в то время получал только Антигон Одноглазый? Было ли это простое заимствование традиции культового почитания правителя, или же своего рода «боспорский ответ» на распространение культа Антигона? Второе предположение представляется более правдоподобным по следующим причинам: во-первых, предпосылки к возникновению культа правителя на Боспоре были, как мы видели, не такими уж весомыми и «обожествление» правителя само по себе явно не стояло на повестке дня; во-вторых, как было показано нами в предшествующих работах, заимствование практики культа правителя в эпоху раннего эллинизма не происходило путем простого подражания – распространение культа того или иного диадоха находилось в прямом соответствии с его амбициями и пониманием собственного места в державе Александра⁷¹. Культ Антигона широко распространился в греческом мире в период 314-306 гг. до н.э. не просто потому что этот диадох одаривал греческие полисы своими благодеяниями. Богоравное почитание позволяло Антигону претендовать на господство над всей империей Александра, ведь только Александр ранее удостоивался богоравных почестей в

более или менее массовом порядке. Подобные амбиции сформировались у Антигона к 315 г. до н.э., и уже с 314 г. в греческих городах стал распространяться его культ, причем масштабы почитания росли по мере приближения к официальной коронации в 306 г. до н.э.⁷². Другие диадохи в тот период пытались предстать перед греко-македонским миром в образе соратников и достойных последователей Александра, обосновывая тем самым власть над отдельными сатрапиями его бывшей державы⁷³. Поэтому они либо прибегали к поддержке посмертного культа Александра, либо вообще игнорировали богоравное почитание⁷⁴.

Получение божественных почестей Перисадом в таких условиях превращалось в достаточно серьезную политическую акцию. Воздав такие почести своему правителю, боспоряне признавали его не менее достойным, чем Антигон Одноглазый и даже сам Александр. Вряд ли можно сомневаться в том, что боспоряне прекрасно осознавали этот аспект учреждения культа Перисада. Ведь почести в античном мире всегда служили средством сравнения статуса и авторитета получающих их личностей, а никто, кроме Антигона и Александра (посмертно), таких почестей тогда не получал. Поэтому приходится полагать, что учреждение культа Перисада было вполне сознательным ответом на распространение культа Антигона, даже своего рода вызовом могущественному претенденту на трон македонской империи. Получив божественные почести от своих подданных и приравнявшись тем самым к Антигону, Перисад подчеркивал свою независимость от общеимперской системы распределения власти и защищал себя от возможных властных притязаний со стороны наиболее могущественного диадоха.

Есть основания полагать, что учреждение культа Перисада было не просто одноразовой защитной акцией со стороны Боспорского царства, а частью целенаправленной политики противостояния экспансии Антигонидов. Это противостояние отчетливо проступает в некоторых внешнеполитических акциях Спартокидов конца IV – начала III в. до н.э. Так, например, хорошо известно, что Спартокиды в последние десятилетия IV в. до н.э. имели особые интересы в Южном Причерноморье и поддерживали тесные экономические и политические

контакты с полисами этого региона⁷⁵. Особенно преуспел в этом отношении Эвмел, желавший распространить свое влияние на все припонтийские области⁷⁶. Но, как показала недавно обнаруженная боспорская проксения в честь жителя города Кромны, активность в направлении Южного Понта начал проявлять уже Перисад⁷⁷. Издатели проксении полагают, что в таких действиях Спартокидов "нельзя не усматривать целенаправленную политику противостояния экспансии Лисимаха и Антиоха I в Южном Понте"⁷⁸. Однако в действительности в годы правления Перисада I и Эвмела Лисимах и Селевкиды не имели отношения к указанному региону. Власть Селевка I тогда еще не распространялась западнее Евфрата, а Лисимах владел только Фракией и прочно увяз в борьбе с местными племенами и греческими полисами Западнопонтийского побережья. Господствующее положение в Южном Понте занимал тогда Антигон Одноглазый, который еще с 319 г. до н.э. владел территорией Каппадокии, включая её прибрежную полосу⁷⁹. В 314 г. до н.э. войска Антигона под руководством его племянника Полемея совершили специальную экспедицию в Южный Понт и присоединили к владениям Антигонидов западную часть побережья вплоть до Геллеспонта, включив в число союзников Антигона Амис, Гераклею Понтийскую, Астак, Халкедон и, очевидно, Вифинию⁸⁰. С этого времени и вплоть до агрессии Лисимаха в 302 г. до н.э. Южный Понт находился под контролем Антигонидов. Поэтому, поддерживая южнопонтийские полисы, Перисад I, а затем и Эвмел могли противостоять только Антигонидам, а не Лисимаху или Селевкидам.

Знаменитая акция Эвмела по спасению граждан осажденного Лисимахом Каллатиса также задевала Антигонидов. Ведь ранее, в 313 г. до н.э., Антигон в ходе своей программы «по освобождению эллинов» не сумел эффективно поддержать восстание западнопонтийских полисов против Лисимаха – его экспедиция в этот регион закончилась полным провалом и только осложнила положение восставших⁸¹. Спасая каллатийцев, Эвмел, таким образом, не только наносил удар по Лисимаху, но и соревновался с Антигоном. Другие благодеяния Эвмела понтийским грекам, о которых сообщает Диодор⁸², также можно расценить как попытку соперничества с Антигонидами, ибо главным

благодетелем эллинов в ту эпоху считался именно Антигон. Вообще же, сама идея активно использовать статус «эвергета» эллинов для поднятия собственного авторитета и обоснования державных амбиций, очевидно, была заимствована Эвмелом и Перисадом именно у Антигонидов, создавших свою империю под лозунгом борьбы за свободу эллинов⁸³.

Весьма показательной в контексте противостояния с Антигонидами выглядит и акция Спартока III, предпринятая им в 287 г. до н.э., когда власть сына Антигона Деметрия Полиоркета в Греции окончательно рухнула и он вынужден был оставить Афины. По словам афинского декрета тех лет, Спарток приветствовал освобождение столицы Аттики («радовался этому вместе с народом») и отправил в город по этому случаю торжественное посольство, которое предоставило в дар афинянам 15000 медимнов хлеба⁸⁴. Весьма показательно, что совершив такую акцию, Спарток оказался в одном ряду с откровенными врагами Антигонидов – Лисимахом, пеонийским царем Авдолеонтом и двумя первыми Птолемеями⁸⁵. Это красноречиво характеризует отношение Спартокидов к политике Антигонидов в Восточном Средиземноморье в целом.

Что же могло побудить Спартокидов к такому длительному противостоянию с Антигонидами? Прежде всего, это, конечно, стремление ограничить антигонидовскую экспансию в регионе Понта. Захват Полемеем южнопонтійского побережья показал, что Антигониды не собираются ограничивать свои владения пределами державы Александра и готовы продвигаться далее на север. Весь понтійский регион оказывался, таким образом, перед угрозой их вторжения. Помимо этого, Эвмел и Перисад, конечно, были заинтересованы в ослаблении влияния Антигонидов в уже захваченных ими южнопонтійских землях, поскольку Боспор имел определенные политические и экономические интересы в этом регионе и, вообще, рассматривал его как потенциальную сферу своего влияния.

Не исключено, однако, что между Спартокидами и Антигонидами существовали и иные противоречия, выводившие их противостояние за пределы Понта. Первые Антигониды придерживались весьма жесткой протекционистской

политики в сфере торговли зерном. Антигон, всячески поощряя экспорт хлеба с территории своей державы, настаивал вместе с тем, чтобы города, находящиеся под его властью, не импортировали зерно из других государств, а закупали его внутри страны, преимущественно, из урожая, полученного с царских доменов и доходных земель Антигонидов⁸⁶. Сам Антигон прямо заявляет об этом в одном из своих посланий к Теосу⁸⁷. Эта государственная монополия на торговлю хлебом призвана была обеспечить экономическую автаркию державе и нанести удар по главному сопернику Антигонидов – Птолемеевскому Египту, который являлся крупнейшим экспортером зерна в Средиземноморье. Однако такая политика наносила ощутимый вред и экономике Спартокидов, ибо они лишались важнейших рынков сбыта своей продукции: в державу Антигона с 314 г. до н.э. входила почти вся Малая Азия и Кикладские острова, а с 307 г. - и большая часть Балканской Греции, в том числе важнейший торговый партнер Боспора - Афины. Благосостояние Спартокидов теперь зависело от того, насколько жестко Антигон и Деметрий контролируют морской импорт в полисы своей державы. Определенный ущерб боспорской торговле, несомненно, наносили и многочисленные военные кампании Антигонидов, во время которых поставки зерна в отдельные регионы оказывались невозможными.

Все это, конечно, должно было побудить Спартокидов к противостоянию с Антигонидами. Ведь в таких условиях едва ли не каждая поставка зерна за пределы Понта или даже в южнопонтийские города превращалась в своего рода вызов Антигонидам. И Спартокиды совершенно сознательно шли на такие вызовы. Об этом говорит массовая практика предоставления Спартокидами проксений иноземным торговцам с правом беспошлинного вывоза зерна с территории Боспора. Декретов с такими проксениями от имени правителя от времени правления Перисада I, Эвмела и Спартока III сохранилось немало, и некоторые из них даровали иноземным зерноторговцам не только право вывоза хлеба, но и политию, то есть – право гражданства на всей территории Боспорского царства⁸⁸. Торговцы, нарушившие монополию Антигонидов, таким образом, имели возможность получить своеобразное «убежище» на Боспоре, что подчеркивало непримиримость Спартокидов по отношению к политике Антигона.

Учреждение культа Перисада I в рамках этой политики противостояния имело большое политическое значение. Этот культ подчеркивал независимость Спартокидов от Антигонидов и македонских правителей вообще, как бы демонстрируя, что в регионе Понта есть свой «Антигон» или даже «Александр» – правитель, которому поданные воздают не менее значимые почести, чем этим «правителям ойкумены». Поэтому экспансия в этот регион не может быть оправданной, и Перисад, как и его потомки, имеют полное право на проведение самостоятельной политики.

С другой стороны, культ, особенно в том виде, как он представлен у Страбона, позиционировал Перисада в качестве "благодетеля эллинов", и противопоставлял его тем самым Антигону. Насколько Перисад подтверждал этот статус своими действиями по отношению к грекам судить трудно из-за скудости источников, но не исключено, что его акции по предоставлению проксений иноземным торговцам воспринимались именно как благодеяния эллинам.

Как было упомянуто, заимствовать практику культового почитания правителя у Антигонидов боспоряне должны были в 314-311 гг. до н.э., так как только тогда распространился культ Антигона в греческих полисах. В это же самое время Антигон захватил южнопонтский берег и тем самым впервые непосредственно затронул интересы Боспорского царства. Вполне возможно, что учреждение культа Перисада в какой-то мере было ответной реакцией именно на эти действия.

Однако если культ Перисада был своеобразной реакцией на культ Антигона Одноглазого и имел столь серьезный внешнеполитический аспект, как же в таком случае он мог быть официально учрежден «снизу»? Ведь он преследовал прежде всего интересы правителя, а не его подданных. Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся определить, кто именно мог быть инициатором этого культа.

Диадохов и Александра при жизни божескими почестями чествовали преимущественно гражданские общины полисов, и в редких случаях – частные лица⁸⁹. Для Боспора учреждение культа непосредственно полисом весьма сомнительно. Боспорские полисы, как известно, не пользовались автономией, не издавали декретов и, видимо, не проводили масштабных акций по учреждению

общественных культов⁹⁰. Можно, конечно, предполагать, что учреждения культа Перисада было специально созвано пантикапейское народное собрание, как это позже сделал Эвмел, желая узаконить узурпацию трона, но для такого предположения нет достаточных оснований. Маловероятно чтобы пантикапейская община могла выступить официальным инициатором почестей – такой традиции на Боспоре в то время не существовало. Поэтому с большим основанием можно полагать, что почести Перисаду воздала какая-то группа частных лиц из числа его приближенных или сторонников. Как было показано исследователями, опору власти Спартокидов составляли члены их семей, наемники, а также пантикапейские аристократы и купцы, процветавшие за счет торговли зерном⁹¹. Культ, учрежденный исключительно родственниками правителя, вряд ли носил бы публичный характер. Наемники в эпоху раннего эллинизма не выступали учредителями культа, обычно ограничиваясь посвящениями статуй или алтарей царю или еще чаще «за царя». Наиболее вероятными инициаторами почестей Перисаду следует считать пантикапейских аристократов и торговцев зерном, среди которых было немало и иноземцев, осевших на Боспоре. Эти лица, судя по всему, входили в число группы, именуемой в эллинистических монархиях «друзьями царя». Известно, что «друзья царя» нередко выступали как дедикантами в посвящениях монарху, так и учредителями частного культа царя и членов его семьи, который мог включать в себя алтари, статуи и даже святилища⁹². Такой культ вполне мог быть организован и на Боспоре. Естественно, что зерноторговцам было за что благодарить Перисада – судя по проксеническим декретам? он оказывал им прямое покровительство, благодаря которому их благосостояние должно было неуклонно расти. Они были к тому же крайне заинтересованы в поддержке власти сына Левкона и в его противостоянии с Антигоном, угрожавшим их доходам своими монопольными мерами и притязаниями на мировое господство. Наконец, именно зерноторговцы, особенно, иноземного происхождения, были лучше, чем кто-либо из боспорской элиты, знакомы практикой культового почитания правителей, которую они могли лицезреть в островных и малоазийских полисах, где процветал культ Антигона. Поэтому именно они, скорее всего, и перенесли бы эту практику на Боспор,

стараясь угодить своему покровителю почестями, приравнивавшими его к «правителям ойкумены». Если принять все это во внимание, соответствие учрежденного «снизу» культа интересам Перисада не покажется удивительным. Между боспорским тираном и крупными зерноторговцами существовала своеобразная «гармония интересов», которая и нашла в учреждении культа Перисада. Как было показано нами в предыдущих работах, и культы диадохов в греческих полисах, хотя всегда учреждались «снизу», в большинстве случаев полностью соответствовали их властным амбициям и политическим интересам⁹³. Культ Перисада не должен быть в этом отношении исключением. Весьма близкой параллелью этому культу по обстоятельствам возникновения и политическому значению является, на наш взгляд, культ Птолемея I на Родосе⁹⁴: родосцы, почтив египетского правителя по собственной инициативе, также стремились приравнять его к Антигонидам и обосновать официальное принятие им царского титула. При этом одной из важнейших причин таких действий, очевидно, было недовольство монополией Антигонидов на торговлю зерном, а также их имперскими притязаниями, наносящими удар по посреднической функции Родоса в средиземноморской зерноторговле⁹⁵.

Нельзя, конечно, говорить и о том, что Перисад был пассивной стороной в учреждении собственного культа. Даже просто приняв почести, он участвовал в его создании. Ведь от почестей можно было и отказаться: это показывает не только ранний пример царя Агесилая Спартанского, но и примеры римских императоров, которые нередко отклоняли предложенный им греческими полисами богоравный почет. Заинтересованность Перисада в собственном культе объяснялась, видимо, не только описанными выше внешнеполитическими обстоятельствами. Получив божеские почести за благодеяния, Перисад, очевидно, надеялся придать определенную легитимность своей тиранической власти над боспорскими эллинами, и как можно судить по сообщению Страбона это ему вполне удалось. Подобно тому, как Тимофей Гераклеяский, именуясь «спасителем и благодетелем», по словам Мемнона, как бы уже и не был тираном⁹⁶, Перисад у Страбона выступает тираном только по названию, так как его истинно царское достоинство подтверждено божескими почестями. В этом

отношении получение божеских почестей Перисадом стоит в одном ряду с присвоением Спартокидами в более ранний период полисного титула «архонт», который должен был маскировать тиранический характер их власти⁹⁷. Если раньше Спартокидам важно было уподобиться высшему полисному магистрату, теперь на повестке дня стоял уже царский титул, что и побуждало стремиться к присущим только царям божеским почестям. В этом плане Перисад уподоблялся уже не другим тиранам, а самим диадохам, которые придавали легитимность своим царским амбициям именно с помощью культового почитания.

Достаточно сложно судить о том, какие конкретно почести были возданы Перисаду на Боспоре и что представлял из себя его культ в ритуально-институциональном плане. Обычный набор полисных почестей диадоров, зафиксированный в основных чертах уже в скепсийском декрете в честь Антигона от 311 г. до н.э. включал в себя алтарь, культовую статую, теменос, «золотой венок», а также ежегодные празднества в честь правителя с торжественными шествиями, песнопениями, жертвоприношениями и, иногда, агонами⁹⁸. Частный культ, организуемый «друзьями» царей или иными лицами подразумевал обычно возведение святилища в честь правителя, в котором отправлялся его постоянный культ, а также статуи и алтаря. Существование празднеств в честь Перисада на Боспоре маловероятно – если бы они проводились, то скорее всего, нашли отражение в эпиграфических источниках. К тому же они и не характерны для царского культа, организуемого частными лицами. А вот возведение специального святилища правителя можно предполагать с большой степенью вероятности. Где находилось это святилище определить нельзя, но вряд ли можно сомневаться в том, что культ, на который обращали внимание авторы исторических сочинений, должен был визуально носить весьма впечатляющий характер и связываться с Пантикапеем. Наиболее удачным местом для культового чествования Перисада следует считать пантикапейский акрополь, где располагался дворцовый комплекс и главный городской храм⁹⁹. Здесь же выставлялись псефизмы с проскениями иноземным торговцам, и поэтому именно здесь было наиболее уместно почитать Перисада алтарем, статуей и, возможно, святилищем.

Нам неизвестно, какова была судьба культа Перисада I после его смерти. Надо полагать, что он не был упразднен последующими Спартокидами, так как Перисад всегда считался одним из наиболее выдающихся боспорских правителей, и воздаяние ему должных почестей в культовой форме только бы подчёркивало династическую преемственность и легитимность последующих поколений боспорских монархов. Более того, некоторые свидетельства позволяют утверждать, что этот культ продолжал существование или, по крайней мере, был возрожден и после ухода Спартокидов с исторической сцены. В.П. Яйленко предполагает, что жрец культа Перисада I упоминается под загадочным титулом [-]p[-] Ἐ τῷ Pairisδdouj в надписи КБН 36, которая была возведена в правление Тиберия Юлия Тейрана (275/76-278/79 гг. н.э.)¹⁰⁰. Это предположение выглядит вполне правдоподобным. Хотя в надписи данный магистрат и не назван прямо жрецом, какое либо иное объяснение такой должности дать весьма затруднительно. Наиболее же примечательно, что жрец Перисада в конце III в. н.э. не просто продолжал существовать, но и входил в число высших магистратов Боспора, которые совместно возвели вышеупомянутую посвятительную надпись. Это показывает, что культ Перисада имел огромное значение не только для этого правителя и даже не только для всей династии Спартокидов, но и для боспорской монархической государственности в целом. Из-за скудости дошедших до нас источников мы не можем в полной мере осознать это значение, но для древних оно было очевидным даже через 600 лет после смерти этого правителя. Очевидно, наиболее ценным в культе Перисада для боспорян было то, что этот культ приравнял боспорского династа по степени оказываемого почета к властителям ойкумены – Александру и диадохам, и обеспечил тем самым Перисаду и его потомкам истинно царскую легитимность, позволяющую им легализовать свою тиранию в международной политической системе и претендовать на независимое правление в своем периферийном уголке античного мира. Культовое почитание Перисада фактически открыло Спартокидам дорогу к царскому титулу, также как культ открыл эту дорогу Антигону Одноглазому и Деметрию Полиоркету, и, таким образом, заложило основы боспорской монархической государственности. Именно поэтому, видимо,

культ Перисада, в отличие от почитания последующих боспорских монархов, пережил века и нашел упоминания в сочинениях античных авторов.

Подведем итоги. Итак, культ Перисада I, по нашему твердому убеждению, возник в последние пять лет правления этого династа как своеобразная реакция на распространение в греческих полисах культа Антигона Одноглазого. Важнейшей причиной возникновения этого культа, как можно полагать, было желание Спартокидов приравняться по своему статусу к диадохам и Александру и обосновать тем самым свое право на независимое правление в регионе Понта и самостоятельную внешнюю политику в Восточном Средиземноморье в целом. Учреждение культа Перисада стала одной из важнейших акций в рамках политики противостояния Антигонидам, которую Спартокиды проводили приблизительно с 315 до 287 гг. до н.э., отстаивая свои политические и экономические интересы. Официальными инициаторами культового чествования Перисада, скорее всего, выступили приближенные к правителю торговцы-олигархи, заинтересованные в поддержке Спартокидов и противостоянии с Антигонидами. Видимо, они и занесли на Боспор практику культового чествования правителя, известную им по культам Антигона в малоазийских и островных полисах. Собственно боспорские традиции почитания правителей не сыграли существенной роли в формировании культа Перисада, хотя, несомненно, облегчили подданным восприятие нового религиозно-политического института. Сам же Перисад с помощью культового почитания не только демонстрировал собственный авторитет на международной арене, но и, очевидно, надеялся легитимизировать свою власть над эллинами, придав ей ореол справедливого и благодетельного царского правления. В результате культ Перисада стал своего рода мостом между полулегитимной тиранией и легализованной в международном масштабе монархией Спартокидов, заложив тем самым основы будущей боспорской автократической государственности. Последнее обстоятельство обеспечило ему существование на несколько сотен лет, едва ли не до конца истории Боспорского царства.

В целом, культ Перисада I был весьма оригинальным явлением как в истории Боспорского царства, так и в эллинистической истории вообще. Он появился раньше, чем культы многих преемников Александра¹⁰¹ и просуществовал дольше, чем подавляющее большинство аналогичных культов в других регионах античного мира. Его ранее возникновение объясняется не протоэллинистическим характером боспорской государственности, а, скорее, ее периферийным положением в политической системе эллинистического мира, которое позволяло заимствовать некоторые новации из этой системы без оглядки на нормы их применения¹⁰². Спартокиды нуждались в интеграции в зарождающийся эллинистический мир и одновременно не хотели быть поглощены им. Культовое почитание Перисада позволяло поставить их державу в один ряд с возникающими монархиями диадохов в таком виде, в каком она есть – не вступая в неравноправные союзы с преемниками Александра и не переходя полностью к такому типу организации общества, который был присущ их монархиям. Культ Перисада открывал Боспору дорогу в подлинную независимую монархическую государственность и, видимо, именно в этом было его главное значение для многих поколений боспорян. Новые эпиграфические и археологические находки, а также новые исследования непременно прольют дополнительный свет на рассмотренные в данной статье проблемы и, возможно, существенно изменят предложенную здесь гипотетическую реконструкцию культа Перисада I.

¹ Общий обзор дореволюционной, советской и современной российской историографии проблемы см.: Шевченко О.К. Сакрализация Перисада I – коллизии историографии // Сакральное и власть в античности (электронный журнал). – № 1. 2010-2011. (http://Antika-vlast.at.ua/publ/stati_do_2011_goda/1). См. также: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.; Л., 1949. – С. 70, 250; Сопова К.К. К вопросу о характере власти боспорских Спартокидов // Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та. – 1970. – Т. 2. – Ч. 2. – Сер. Историческая. – С. 116; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Проблемы развития полиса. – М., 1983. – Т. 1. – С. 409; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. – М., 1985. – С. 144, 182; Блаватский В.Д. О культе римских императоров на Боспоре // Блаватский В.Д. Античная археология и история. – М., 1985. – С. 191; Диатроптов П.Д. Культ героев в Северном Причерноморье. – М., 2001. – С. 41, 52, прим. 39; Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. – М., 2003. – С. 156-157; Зубарь В.М., Русяева А.С. Боспор Киммерийский. История и культура. – Николаев., 2004. – С. 71-72; Minns E.H. Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913. – P. 572; Rostovtzeff M.I. The Bosporian Kingdom // САН. – 1954. – V. VIII. – P. 568, 584; Berve H. Die Tyranen bei Griechen. – München, 1961. – Bd. 1. – S. 327; более детальные исследования: Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990. – С. 308-310; Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых

боспорских надписях // Женщина в античном мире. - М., 1995. - С. 242-253.; Завойкин А.А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo, XI, 2, 7) // Древности Боспора. Вып. 3. - М., 2000. - С. 55-56.

²Нефедов К.Ю. О культе Перисада I на Боспоре // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура: Материалы международной научно-практической конференции. - Белгород, 2004. - С. 187-193; Нефедов К.Ю. Боспор и Антигониды в эпоху раннего эллинизма // Сугдейский сборник. II. Материалы II Судакской международной научной конференции. - Киев-Судак, 2005. - С. 256-265; Нефедов К.Ю. Боспорское царство и первые Антигониды: политика противостояния // Иресиона. Античный мир и его наследие. - Вып. 3. - Белгород, 2006. - С. 10-18; Нефедов К.Ю. Боспор и держава Антигонидов в эпоху раннего эллинизма // LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. (Сб. научных трудов). - Харьков, 2007. - С. 83-94.

³Strab. VII, 4, 4: TMmonarcektō dē polyn crōnon ōpō dunastin tin per^h Leúkwna ka^h Sfturon ka^h Pairisfdhn aũth te ka^h af plhsiōcwroi katoik...ai pōsai af per^h tō stōma tāj aiētidoj ~katšrwqen mšcri Pairisfdou toà Miqridftv paradōntoj t³n frc»n. TMkaloànto d tūrannoi, ka...per of ple...ouj TMpieikekj gegonōtej, frxfmēnoi f pō Pairisfdou ka^h Leúkwnoj. Pairisfdhj d ka^h qeōj nenōmistai

⁴Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 70; Сопова К.К. Указ. соч. С. 117; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. - Л., 1968. - С. 163.

⁵См. напр.: Hom., Ill. XXIV, 256-259; Emped., Khat. B 112, 4 (Diels); Isocr., Epist. III, 5. См. об этом подробно: Habicht C. Gottmenschentum und die griechische Städte. - München, 1970. - S. 171-179; Taeger F. Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. - Stuttgart, 1957. - Bd. 1. - S. 51-149; Fredricksmeyer E.A. On the Background of the Ruler Cult // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch.F. Edson. - Thessaloniki, 1981. - P. 148-155.

⁶Athen. VI, 253d-254a; Taeger F. Op. cit - S. 270-273; ср.: Habicht C. Op. cit. - S. 213-215.

⁷Это впервые произошло, видимо, в посмертном культе Птолемея Сотера и его жены Береники, который, согласно традиционной датировке, был учрежден около 281 г. до н.э. (см.: Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander der Grossen bis zum römische Eroberung. - Darmstadt, 1994. - S. 87; Fraser M.P. Ptolemaic Alexandria. - V.1. - Oxford, 1972. - P. 229-234). P.A. Хэззэрд относит официальное учреждение этого культа к 263/262 гг. до н.э. (Hazzard R. A., Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. - Toronto, 2000. - P. 1-75). См. также об этом: Pfeiffer S. Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich. Systematik und Einordnung der Kultformen. - München, 2008. - S. 51-54, 64-65.

⁸См.: Fredricksmeyer E.A. Op. cit

⁹Об этом см.: Badian E. Alexander the Great between two thrones and heaven: Variations on an old theme // Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. - Ann Arbor, 1996. - P. 11-26; Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers // A companion to the Hellenistic world / ed. by A. Erskine. - Malden; Oxford; Carlton, 2003. - P. 432-433; в целом о проблеме статуса правителя, почитаемого в культе: Bergmann M. Die Strahlen der Herrscher. Theomorphes Herrscherbild und politische Symbolik im Hellenismus und in der römischen Kaiserzeit. - Mainz, 1998. - S. 17-19; Pfeiffer S. Op. cit. S. 33-45; Price S.R.F. Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. - Cambridge, 1986. - P.227-233.

¹⁰Plut., Apophth. Lac., Ages. 24. Доказательство аутентичности этого эпизода, см.: Flower M.A. Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult // CQ. - 1988. - V. 38. - 123-134

¹¹Нуп., VI. 21; Plut., Mor. 842d; Din. I, 94.

¹²Price S.R.F. Gods and Emperors: The Greek language of The Roman Imperial Cult // JHS. - 1984. - V. 104. -P. 79-95.

¹³Грацианская Л.И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. - М., 1976. - С. 14-16.

¹⁴См. об этом: Preaux C. Le Monde Hellenistique. P., 1978. - V. 1. - P. 181-194; Bringmann K. The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism // Images and Ideologies: Self-Definitions in the Hellenistic World. - Berkeley, 1993. - P. 7-24; Billows R.A. Kings

and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. – Leiden; New-York, 1995. – P. 56-80; Bosworth A.B. The Legacy of Alexander: Politics, Warfare and Propaganda under the Successors. - N.Y.; Oxford, 2002. - P. 246-278.

¹⁵ См.: OGIS 6, 11, 212; Syll.³ 376

¹⁶ Ростовцев М. И. Государство и культура Боспорского царства // Вестник древней истории. - 1989. - №2. - С. 193.

¹⁷ Яйленко В.П. Женщины... С. 231-235.

¹⁸ Там же. С. 236-240.

¹⁹ Там же. С. 231-232:

²⁰ Price C.R.F. Ritual and Power... P. 208-220.

²¹ Frye R. Gestures of Deference to Royalty in Ancient Iran // Iranica Antiqua. – 1972. – V.9. P. 52-70; Herz P. Hellenistische Könige. Zwischen griechischen Vorstellungen vom Königtum und Vorstellungen ihrer einheimischen Untertanen // Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. – Ann Arbor, 1996. – P. 26-40; Нефедов К.Ю. Культ елліністичних правителів і давньоіранські традиції шанування царської влади // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні питання сходознавства» 16 травня 2001 року. – Харків, 2002. – С. 60-63.

²² В Парфии, например, наблюдалась обратная тенденция - элементы греко-македонского царского культа Селевкидов оказали влияние на местную традицию почитания царей (см.: Пилипко В.Н. Старая Ниса. Проблемы интерпретации // ВДИ. – 2000. – № 1. – С. 110-112; Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1971. – С. 260, 270-275).

²³ Диатроптов П.Д. Указ. соч. С. 41-49

²⁴ Strab. XI, 2,7.

²⁵ Завойкин А.А. Указ. соч. С. 47-57.

²⁶ Там же. С.53.

²⁷ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. – 1961. Вып. 16. – С. 171-172; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – К., 1986. – С. 18, 31; Завойкин А.А. Указ. соч. С. 56-57.

²⁸ Зубарь В.М., Русяева А.С. Указ. соч. С. 72.

²⁹ Dio Chrys., XXXVII, 21. См. о гипотетической возможности культового почитания Дионисия Старшего и значении упомянутых изображений для становления культа правителя: Sanders L.J. Dionysius of Syracuse and the Origins of the Ruler Cult // Historia. – 1991. – V. 40. – P. 275-287.

³⁰ Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. – Л., 1979. – С. 128-129.

³¹ Currie B. Euthymos of Locri: A Case Study in Heroization in Classical Period // JHS. – 2002. – V. 122. – P. 22-44; Currie B. Pindar and the Cult of Heroes. – Oxford, 2005. – P. 120-125, 170-74; Jones C.P. New Heroes in Antiquity: From Achilles to Antinoos. - Cambridge, MA; L., 2010. – P. 38-42, 94; Sanders L.J. Op. cit.; Bosworth A.B. Heroic Honors in Syracuse // Crossroads of History: The Age of Alexander. - Claremont, 2003. – P. 11-28.

³² Serrati J. A Syracusan private altar and the development of ruler-cult in Hellenistic Sicily // Historia. – 2008. – V. 57 - P. 80-91.

³³ О сходстве в историческом развитии между Боспором и Гераклеей см.: Сапрыкин С.Ю. Тирании в припонтйских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. - Л., 1984. – С. 86-90.

³⁴ Memnon I, 1; ср.: Just., XVI, 5; Suid., sv. Κλέαρχος; Plut., Mor. 356a. Для оценки этого эпизода, см.: Fredricksmeier E.A. On the Background... P. 153; Sanders L.J. Op. cit. P. 282-283;

³⁵ Memn. III, 1; IV, 9.

³⁶ Memn., III, 15.

³⁷ Завойкин А.А. Указ. соч. – С. 56.

³⁸ Там же. – С. 55-57.

³⁹ Нефедов К.Ю. Птолемей I Сотер и учреждение культа Александра Македонского в Александрии // Античный мир. – Белгород, 1999. – С. 20-26.

⁴⁰ Завойкин А.А. Указ. соч. С. 56.

⁴¹ Диатроптов П.Д. Указ. соч. С. 52, прим. 39.

⁴² Price C.R.F. Ritual and Power... P. 32-36.

⁴³ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор... С. 298-299. Надо заметить, что учреждение культа именно Эвмелом выглядит особенно проблематичным. Диодор в своем рассказе о деятельности этого правителя (Diod. XX, 22-26) не упоминает об учреждении им посмертного культа Перисада. Между тем этот рассказ составлен в панегирическом духе и восходит к аутентичному боспорскому источнику, вследствие чего упоминание об учреждении Эвмелом культа отца было бы здесь весьма ожидаемым. Диодор, к тому же, интересовался фактами из истории культа правителя в значительно большей степени, чем Страбон (см.: Diod. XVI, 20, 6; 92, 5; 95, 1; XVIII, 28, 2-4, 60-61; XIX, 21; XX, 46, 2-4, 100, 2-4, 102), и вряд ли бы умолчал о подобном факте, если бы он действительно имел место.

⁴⁴ Diod., XVIII, 28. 4.

⁴⁵ Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. – Oxford, 1972. – V. 1. – P. 225-226.

⁴⁶ SEG 47,933: ἰσὺς ἰσὺς ἰσὺς; ср.: SEG 53, 623.

⁴⁷ Price S.R.F. Op. cit. P. 215-224; Pfeiffer S. Op. cit. S. 33-38.

⁴⁸ Нуп., VI. 21; Plut., Mor. 842d; Din. I, 94

⁴⁹ См. прим. 7.

⁵⁰ Fraser P.M. Op. cit. P. 214-215.

⁵¹ Pfeiffer S. Op. cit. S. 63-65.

⁵² Van Nuffelen P. Le culte royal de l'empire des Séleucides. Une ré-interprétation // Historia. - 2004. – V. 54. – P. 278-301.

⁵³ Currie B. Euthymos of Locri... P. 22-44.

⁵⁴ Plut., Lys. 18, 5-6; см.: Flower M.A. Op. cit.; Currie B. Pindar... P. 165-167.

⁵⁵ См. прим. 10.

⁵⁶ Относительно существования и характера культа Филиппа в научной литературе нет единой точки зрения, см.: Frederiksmeyer E.E. Divine honours for Philipp II // TAPhA. - 1979. - V. 109. - P. 39-61; Badian E. The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. Edson. - Thessaloniki, 1981. – P. 67-70; Hammond N.G.L. Philipp of Macedon. - Baltimore, 1994. - P. 182-185.

⁵⁷ Habicht C. Op. cit. S. 21-25; Bosworth B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. - Oxford, 1993. - P. 278-290; Badian E. The Deification... P. 54-57.

⁵⁸ Habicht C. Samische Volksbeschlüsse der hellenistischen Zeit // MDAI (A). - 1957. - Bd. 72. -S. 156-164. No.1, vs. 35-36.

⁵⁹ Habicht C. Gottmenschentum... S. 42-44; Нефедов К.Ю. О возникновении культа Антигона Одноглазого // Древности: 1997-1998. - Харьков, 1999. - С. 90-91.

⁶⁰ См. подробно: Habicht C. Gottmenschentum und die griechische Städte. - München, 1970.

⁶¹ Flower M.A. Op. cit.

⁶² Badian E. The Deification... P. 57-62.

⁶³ Amm. Marc., XXII. 8. 40.

⁶⁴ Dihl E. Olbia // RE. – 1937. – Bd. 17. – Sp. 2422; Ельницкий Л.А. Знание древних о северных странах. – М., 1961. – С. 106; Яйленко В.П. Ольвия... С. 252-253.

⁶⁵ Taeger F. Op. cit. S. 222.

⁶⁶ OGIS 6; Habicht C. Gottmenschentum... S. 40-42; Нефедов К.Ю. О возникновении... С. 90-83.

⁶⁷ О существовании культа Антигона на Делосе известно из декрета Союза Островитян от 306 г. до н.э. (IG, XI, 4, No. 1036), по которому к ранее существовавшим общесоюзным празднествам «Антигоней» присоединяются «Деметрии» в честь сына Антигона, Деметрия Полиоркета. О правильной датировке этой надписи временем Антигона Одноглазого, см.: Dürrbach F. ANTIGONEIA-ΔΗΜΗΤΡΕΙΑ: Les origines de la Confederation des Insulaires // BCH. - 1907. - V. 31. - P. 208-227. Учреждение Антигоней на Делосе связывается исследователями с созданием по инициативе Антигона Союза Островитян в 314-313 гг. до н.э., см.: Buraselis K. Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden im Ägäischen Meer und in Westkleinasien. - München 1982. S. 60-67; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. - Berkeley etc., 1990. - P. 220-222; Нефедов К.Ю. О возникновении... С. 93-94.

⁶⁸ О возможном учреждении культа Антигона на о. Кос, см.: Segré M. Documenti di storia

ellenistica // RPAA. - 1941. - V. 17. P. 30–34; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed... P. 209, n. 55; о культе в Гестиэе см.: Habicht C. *Gottmenschen*... S. 56-57.

⁶⁹ Billows R. A. Antigonos the One-Eyed... P. 234-235.

⁷⁰ КБН, 10, 11, 971, 1039, 1040, 113.

⁷¹ Нефедов К.Ю. Культ правителя и коронация диадохов // Из истории античного общества. Вып. 12. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. – С. 92-122.

⁷² Там же. – С. 94-106.

⁷³ См. об этом: Нефедов К.Ю. Селевк Никатор и Александр: эволюция пропаганды // Харьковский историко-археологический ежегодник. 2011. – Харьков, 2011. – С. 14-25. – С.14-25.

⁷⁴ Об учреждении Птолемеями культа Александра в Александрии см.: Нефедов К.Ю. Птолемей Сотер... С. 20–26; ср.: Hölbl G. *Op. cit.* S. 86–87; Fraser P.M. *Op. cit.* V. 1. P. 14–17, 214–228; о культе Александра в армии Евмена: Diod., XVIII, 60,1–61,4; Plut., Eum. 13; Polyaeus, IV, 8, 2; Nero. Eum., 7, 2; о культовом чествовании Александра и Филиппа в армии Певкеста: Diod., XIX, 21, 2–5; Plut., Eum. 14, 2–5; о культе Александра в державе Лисимаха, см.: Нефедов К.Ю. Культ правителя в политической пропаганде Лисимаха // Вестн. ХГУ. - 1999. - № 441: История. - Вып.31. - С. 46–55.

⁷⁵ Сапрыкин С.Ю. Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI-II вв. до н.э. - государственная политика или личная инициатива? // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Тезисы докладов. – Севастополь, 1992. – С. 41; Vinogradov Ju.G. *Pontische Studien*. – Mainz, 1997. – S. 47-48.

⁷⁶ Нейхардт А.А. К вопросу о политике Евмела на Понте Эвксинском (по материалам керамической эпиграфики) // Древний мир. – М., 1962. – С. 545-602; Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. – 1986. № 1. – С. 37-39.

⁷⁷ Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П. Шелов-Коведяев Ф.В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. – 2002. – №. 4. – С. 58-60. См. Также проксению КБН 1 в честь жителя города Амис.

⁷⁸ Там же. С. 60.

⁷⁹ Billows R.A. Antigonos the One-Eyed... P. 238-239.

⁸⁰ Diod. XIX, 57, 4, 60, 2; Billows R.A. Antigonos the One-Eyed... P. 113, 239, 440-442.

⁸¹ Diod., XIX, 73, 6-10.

⁸² Diod., XX, 24-26.

⁸³ См.: Billows R.A. Antigonos the One-Eyed... P. 189-205; Billows R.A. *Kings and Colonists*... P. 62-66.

⁸⁴ Syll.³, No. 370.

⁸⁵ IG², No. 613, 637, 682; Хабиخت Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. – М., 1999. – С. 136.

⁸⁶ Billows R.A. Antigonos the One-Eyed...P. 286-289; Preaux C. Sur l'origine des monopoles lagides // *Cronique d'Egypte*. – 1954. – V. 29. – P. 312-327.

⁸⁷ Syll.³, 344 (SEG, XV, 717), vs. 80-90.

⁸⁸ См. об этих проксениях (там же список публикаций): Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П. Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. С. 56-75.

⁸⁹ Полисы как инициаторы почестей: Diod. XX, 46, 2-4; XX, 100, 2-4; 102, 3-5; Plut., Demetr. 10-12; OGIS 6, 11, 212; Syll. 380, 390 ; SEG I, 356 ; IG XI, 1036, IG, XII...., частные лица: Athen., VI, 254a; ISE 7; OGIS 17, 20.

⁹⁰ О статусе полисов в державе Спартокидов см.: Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. – 1953. - № 4. – С. 53-65; Шелов-Коведяев В.Ф. Указ. соч. С. 165-167; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. – 2003. - №. 1. – С. 20-28.

⁹¹ Шелов-Коведяев В.Ф. Указ. соч. С. 159-162.

⁹² См. напр.: Athen. VI, 254a; Chaiotis A. *Op. cit.* P. 441-442.

⁹³ См.: Нефедов К.Ю. Культ правителя и коронация диадохов... С. 93-118; Нефедов К.Ю. Культ первых Антигонидов в Афинах: новая интерпретация // Кондаковские чтения I. Проблемы

культурной преемственности. – Белгород, 2005. – С. 83-94; Нефедов К.Ю. Культ правителя в политической пропаганде Лисимаха... С. 53-55.

⁹⁴ Diod., XX, 100, 2-4.

⁹⁵ Нефедов К.Ю. Культ правителя и коронация диадохов... С. 108-117.

⁹⁶ Memn., III, 1.

⁹⁷ Виноградов Ю.Г. Указ. соч. С. 409-410; Шелов-Ковядев В.Ф. Указ. соч. С. 87-89; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 24-28.

⁹⁸ OGIS 6 (Антигон в Скепсисе); OGIS 11 (Лисимах в Приене); OGIS 212 (Селевк в Илионе); ср. также: Diod., XX, 100, 2-4 (Птолемей на Родосе); Diod., XX, 46, 2-5 (Антигон и Деметрий в Афинах).

⁹⁹ Толстиков В.И. Пантикаепей – столица Боспора // Очерки истории и археологии Боспора. – М., 1992. – С. 45-49; Толстиков В.И. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея (Проблемы локализации, интерпретации и графической реконструкции) // Древности Боспора. – 2000. – Вып. 3. – С. 312-339.

¹⁰⁰ Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. – М., 1987. – С. 34.

¹⁰¹ Птолемей решился на получение божеских почестей только в 304 г. до н.э., когда перед ним встала необходимость официально принять царский титул (см. об этом: Нефедов К.Ю. Культ правителя и коронация диадохов... С. 108-118). Лисимах прибегнул к подобным мерам лишь в середине 80-х гг. III в. до н.э. (см.: Нефедов К.Ю. Культ правителя в политической пропаганде...), Селевк в 281 г. до н.э. (Habicht C. *Gottmenschentum*... S. 82-88). #

¹⁰² Диадохи-соперники Антигонидов долгое время не решались получать божеские почести потому что считали их прерогативой Александра, а Антигонидов обвиняли в узурпации положенного ему почета и, соответственно, в притязаниях на имперский трон - см. об этом лит. в прим. 68. Когда родосцы в 304 г. до н.э. решили учредить культ Птолемея, им пришлось обращаться за разрешением к оракулу «божественного отца» Александра – Зевса-Аммона (Diod., XX, 100, 2-3). Перисаду, власть которого не проистекала из завоеваний Александра, эти представления были чужды. Поэтому на Боспоре культовые почести впервые были использованы для обоснования власти над отдельным регионом, а не над всей империей Александра.